

ТРАНСФОРМАЦИИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА: МЕТОДОЛОГО-ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Ульяновский государственный университет

Мы уже неоднократно писали о том, что в проведении исследовательской работы пользуемся универсальной схемой научного исследования А.А. Гагаева [2; 3 и др.]. В рамках использования данной схемы становится очевидно, что текст, как и другие языковые единицы, существует в пяти ступенях сущности (мы разграничиваем понятия элемент и единица языка, см.: [8-11]):

1) на уровне мышления текст выступает как объединённая смысловой связью **последовательность знаковых единиц**, основными свойствами которой являются связность и цельность;

2) на уровне языка текст выступает как объединённая смысловой связью **последовательность языковых единиц**, основными свойствами которой являются связность и цельность (вероятнее всего, на уровне языка мы имеем дело с имеющейся в метаязыковом сознании определённой структурной схемой, соответствие/несоответствие которой позволяет нам считать ту или иную совокупность языковых единиц текстом или его отсутствием);

3) на уровне психофизиологии текст выступает как совокупность работ психофизиологического характера, характеризующаяся (для автора текста или его интерпретатора) целостностью и завершёностью;

4) на уровне речи текст выступает как материально выраженная и объединённая смысловой связью **последовательность речевых единиц**, основными свойствами которой являются связность и цельность;

5) на уровне коммуникации (точнее было бы говорить об уровне общения, поскольку в рамках этого уровня должно разграничивать коммуникацию, квази- и псевдокоммуникацию) текст выступает как результат уникально-неповторимого прочтения (восприятия) конкретного речевого текста, как результат уникально-неповторимой встречи не менее чем двух метаязыковых сознаний – автора и его читателя (впрочем, первым по счёту читателем автор всегда и является).

Точно так же как только в общении (с кем-либо, а иногда с самим собой) речь выражает не содержание, а личностно-ориентированный смысл – точно так же один и тот же текст существует столько раз, сколько раз его читали и воспринимали.

В рамках настоящего доклада нам бы хотелось обратить внимание на трансформации собственной интерпретации текста – статьи М. Горького “Ударники в литературе”, в своё время (в работе 1995 года) охарактеризованной нами в качестве его политического завещания.

Следует признаться, автор настоящих строк никогда не предполагал, что названная статья М. Горького заслуживает какого-то внимания. Перелистывая книгу А. Мясникова “М. Горький: Очерк творчества” [6], мы случайно наткнулись на такой весьма заумный пассаж: “Следуя указаниям партии, Горький советовал в свое время молодым писателям глубоко подумать “о борьбе социалистически организованной воли не только против упрямства железа, стали, но главным образом о сопротивлении живой материи, не всегда удачно организованной в форму человека”. Горький учил советских писателей показывать, как в непримиримых конфликтных столкновениях старое, отживающее, консервативное уступает место новому, рождающемуся, прогрессивному” [6: 604]. Что нас поразило в этом пассаже? – То, что в цитате из неизвестного нам тогда выступления М. Горького соседствовали два слова (“стали” и “но”), как бы составляя имя Сталина.

Поиски привели к статье “Ударники в литературе” (1931 г.). В конечном счёте в ходе первой нашей интерпретации мы пришли к выводам (цитируем), что “М. Горький находился в оппозиции к сталинскому режиму”, что “Горький думал не о современном ему настоящем, а о далёком для него будущем, когда потомки *внимательно* перечтут всё им написанное и поймут его... Он не мог не предвидеть нынешних споров о его отношении к культуре личности. И это, думается, тоже одна из причин того, что он послал нашему поколению своё политическое завещание, оказавшееся недоступным угрюмо-непросвещённой сталинщине...” [7: 312, 313-314].

Спустя годы, прошедшие после опубликования вышеприведённых строк, вопрос о политическом завещании М. Горького для нас приобрёл иное звучание. Контекст восприятия изменился главным образом вовсе не потому, что изменилась наше мнение о наличии/отсутствии зашифрованной фамилии Сталина в указанной статье М. Горького (здесь наша позиция осталась прежней), но потому, что – благодаря новым исследованиям – значение фигуры Сталина в истории нашей страны приобрело новый характер. Соответственно, подверглась изменениям и наша позиция относительно политического послания М. Горького.

Что конкретно изменилось в нашем восприятии горьковской статьи “Ударники в литературе”? Сегодня мы полагаем, что М. Горький в 1931-м году не смог увидеть масштабности личности Сталина. Для великого писателя это простительно и потому, что фигуры такого масштаба, как И.В. Сталин, человеческая история не знает вообще, и потому, что направленность деятельности Сталина во многом остаётся неясной даже многим нашим современникам.

Примем ныне господствующую фразеологию и сопоставим факты. При *злodee* Сталине:

1) продовольственная корзина, разработанная в 1950-м году советскими учёными, была в 1,1-2,5 раза “тяжелее” той, которую предложили в 1994-м году “учёные-демократы” (конкретные показатели по хлебу, картофелю, овощам и фруктам, мясу, рыбе и т.д. см.: [5: 137]);

2) цены на товары – при сохранении размера пенсий, стипендий, зарплаты – каждую весну, с 1 апреля, снижались, в то время как при *благодетелях*-демократах они постоянно растут, и компенсации (называемые *повышением заработной платы*) за инфляцией явно не успевают;

3) правительство обеспечило высокий уровень обороноспособности страны, что позволило одержать победу в самой страшной войне: в частности, “боевая стойкость генералов была в 6,5 раз выше, чем при царе, боевая стойкость офицерства была в 8 раз выше, а стойкость солдат в 17 раз!” [5: 127] – тогда как сегодня о благополучии в этой области не решаются писать даже самые проправительственные издания;

4) уголовники, насильники и враги советской власти репрессировались, а численность народонаселения росла (армия, имевшая перед войной 680 тыс. командиров, в годы чисток потеряла менее 2%, и прежде всего она рассталась с изменниками типа Тухачевского – см.: [1: 8]) – тогда как сейчас демократические СМИ просто захлёбываются в восхищении от бандитов, а численность народа снижается в размерах, сопоставимых с геноцидом (факт сокращения численности населения России сегодня настолько очевиден, что от ссылок воздержимся);

5) люди не боялись спать с приоткрытыми от жары дверями, поскольку преступность практически не ощущалась: в 1940-м году в СССР при численности населения в 190 млн. было всего 6549 убийств, тогда как в демократическом 1998 году в России с около 140 млн. населения от преступников погибло более чем в 10 раз – 64545 человек (см.: [5: 263]);

6) люди не знали, что такое наркотики, тогда как сегодня, при славном демократическом режиме, наркомания, токсикомания, алкоголизм – трагедия общенационального масштаба;

7) интеллектуальный труд очень высоко ценился: если оклад союзного министра в 1953 году не превышал 5000 рублей в месяц, то зарплата профессоров и академиков была выше, нередко превышая 10000 рублей (см.: [5: 139]), сегодня же о высокой оценке интеллектуального труда говорить просто неприлично;

8) при *деспоте* Сталине главным оружием милиционеров была их форма (дубинок и оружия им не требовалось), а при славных демократах растёт число охранников, бандитов и телекамер слежения.

Горький не смог разглядеть в Сталине самое главное – его фанатичную преданность России, её народу. “Лицом к лицу – лица не увидать”. М. Горький как художник в случае со Сталиным встретился с человеком,

который не вписывался ни в какие привычные представления (достоверно “прочитать” И.В. Сталина при его жизни смог, вероятнее всего, только М.А. Булгаков в его пьесе “Батум”, совершенно неизвестной массовому читателю).

Впрочем, в 1935-м году М.Горький уже иначе относился к И.В. Сталину. В частности, 24 марта 1935 года он писал вождю: “Чем ближе к войне – тем более усиленно будут мерзавцы всех мастей стараться убить Вас, дабы обезглавить Союз. Это – естественно, ибо враги хорошо видят: заменить Вас – некем. Колоссальной и мудрой Вашей работой Вы внушали миллионам людей доверие и любовь к Вам, это – факт... Берегите себя. Мировая – всемирная – ненависть к Вам всех подлецов и мерзавцев говорит Вам о Вашей величине, о значительности Вашей работы так же красноречиво и убедительно, как горячая любовь всех честных, искренних революционеров” (цит. по: [12: 397-398]). В связи с духовным прозрением М. Горького закономерно возникает вопрос: может быть, именно оно, когда над головой Г. Ягоды (с которым М. Горький был близок. – *А.П.*) стали сгущаться тучи, и послужило реальной причиной гибели писателя?

Наши различные (с течением времени) прочтения политического послания М. Горького следует рассматривать как иллюстрацию общеизвестного тезиса, что коммуникация вообще, и текст на уровне коммуникации в частности – единичное, уникально-неповторимое проявление языка, сама его жизнь. Коммуницирование при этом с одним и тем же адресантом (в частности, автора доклада с М. Горьким) варьируется и в пространстве, и во времени вообще, при этом оно зависит от уникально-неповторимого пространства и времени адресата, от различных экстралингвистических факторов (это любопытный биографический факт, но возможность нового прочтения *политического завещания* М. Горького возникла у адресата только на новом месте жительства).

Библиографический список

1. Баландин, Р.К. “Клубок” вокруг Сталина / Р.К. Баландин, С.С. Миронов. – М.: Вече, 2006. – 320 с.: ил. – (Тысячелетие русской истории).
2. Гагаев, А.А. Теория и методология субстратного подхода в материалистической диалектике / А.А. Гагаев. – Саранск: изд-во Мордов. ун-та, 1991. – 308 с.; вкл.
3. Гагаев, А.А. Философская и культурно-типическая антропология. Русский космо-психо-логос. Культурно-типическая модель науки. Система философии: в 2 т. / А.А. Гагаев, П.А. Гагаев. – Саранск: изд-во Мордов. ун-та, 2005.
4. Горький, М. Ударники в литературе / М. Горький // Ленинградская правда. 1931. 21 мая. – С. 2.
5. Мухин, Ю.И. Убийцы Сталина / Ю.И. Мухин. – М.: Яуза, 2005. – 672 с. – (Русская правда).
6. Мясников, А. М. Горький: очерк творчества / А. Мясников. – М.: ГИХЛ, 1953. – 648 с.

7. Пузырёв, А.В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления / А.В. Пузырёв. – М.; Пенза: Ин-т языкознания РАН, ПГПУ им. В.Г. Белинского, 1995. – 378 с.

8. Пузырёв, А.В. Элементы и единицы русского языкового мышления, русского языка, русской речи и коммуникации и “нуль” в курсе “Современный русский язык” / А.В. Пузырёв // Актуальные проблемы лингвистики в вузе и в школе: 3-я Всероссийская Школа молодых лингвистов (Пенза, 23-27 марта 1999 г.). Материалы. – М.; Пенза: Ин-т языкознания РАН; ПГПУ им. В.Г.Белинского, 1999. – С. 13-28.

9. Пузырёв А.В. Элементы и единицы мышления, языка, речи и коммуникации / А.В. Пузырёв // Предложение и слово: парадигматический, текстовый и коммуникативный аспекты: межвуз. сборник научных трудов. – Саратов: изд-во Саратовского пед. ин-та, 2000. – С. 95-101.

10. Пузырёв А.В. Опыты целостно-системных подходов к языковой и неязыковой реальности: сборник статей / А.В. Пузырёв. – Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2002. – 163 с.

11. Пузырёв А.В. О плодотворности разграничения анализа по элементам и анализа по единицам/ А.В. Пузырёв // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: материалы VII Международной научной конференции (Ульяновск, 16-19 мая 2007 г.) / отв. ред. проф. А.В. Пузырёв. – М.; Ульяновск: Институт языкознания РАН; Ульяновский государственный университет, 2007. – С. 116-120.

12. Эпоха Сталина: события и люди. Энциклопедия / автор-сост. В.В. Суходеев. – М.: Эксмо, Алгоритм, 2004. – 640 с. – (Политический бестселлер).

С.И. Дубинин

ПЕРВЫЕ НЕМЕЦКИЕ ДВУЯЗЫЧНЫЕ СЛОВАРИ: ТИП ТЕКСТА И ЯЗЫКОВАЯ КУЛЬТУРА XVI ВЕКА

Самарский государственный университет

Возникновение собственно немецкой лексикографии, датируемое первой третью XVI века, связано с юго-западом языковой области как одним из наиболее высокоразвитых лингво-культурных регионов позднесредневековой Германии, насчитывая около **35** источников. Стимулами для их создания стали целенаправленная деятельность просветителей, преподавателей-гуманистов и печатников, а также протестантских теологов, литераторов и публицистов, многие из которых были переводчиками.

Рвнн. *словари* и *глоссарии* как типы текста относятся исследователями иногда к периферийному подтипу документирующих текстов. Их заказчики и продуценты имеют целью накопление, инвентаризацию и документи-